

Первый план и
фон нарратива:
направления
зарубежных
исследований в
сфере лингвистики
и переводоведения

Foreground and
Background in a
Narrative: Trends in
Foreign Linguistic
and Translation
Studies

**Анастасия Викторовна
Уржа**

Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия

Anastasia V. Urzha

Moscow State University
Moscow, Russia

Резюме

Теория первого плана и фона (Theory of Grounding), разработанная зарубежными типологами в 70–80-е годы прошлого века, за прошедшие десятилетия получила развитие в целом ряде направлений, взаимодействуя с другими лингвистическими, нарратологическими, когнитологическими и переводоведческими концепциями. Акценты в изучении языковых средств, обеспечивающих выделенность одних клауз нарратива по отношению к другим, постепенно смещаются, классические положения теории корректируются и развиваются. Однако в русистике данная научная традиция не

Цитирование: Уржа А. В. Первый план и фон нарратива: направления зарубежных исследований в сфере лингвистики и переводоведения // *Slověne*. 2018. Vol. 7, № 2. С. 494–526.

Citation: Urzha A. V. (2018) Foreground and Background in a Narrative: Trends in Foreign Linguistic and Translation Studies. *Slověne*, Vol. 7, № 2, p. 494–526.

DOI: 10.31168/2305-6754.2018.7.2.20

получила широкой известности: подавляющее большинство научных работ, имеющих отношение к теории первого плана и фона, не переводилось на русский язык, и соответствующая терминология не имеет в отечественной лингвистике устоявшихся эквивалентов. Цель данного обзора — кратко охарактеризовать основные положения теории первого плана и фона и представления об «иерархии выделенности» (Saliency Hierarchy) клауз нарратива в классических исследованиях (с опорой на не переведенные на русский язык лингвистические труды) и рассмотреть основные направления развития этих представлений на текущий момент. Особое внимание уделено работам, привлекающим понятия первого плана, фона, транзитивности и выделенности в сопоставительном анализе оригинальных текстов с их переводами. В этой зоне исследований, где лингвистика и переводоведение тесно взаимодействуют, положения теории первого плана и фона применяются в изучении изменений прагматики текста при языковых трансформациях. Представляя обзор работ в этой области, мы подробнее остановимся на тех из них, которые привлекают русскоязычный материал.

Ключевые слова

первый план, фон, транзитивность, выделенность, дейксис, перевод

Abstract

The review accumulates the information on the Theory of Grounding and Saliency Hierarchy (based on publications that have not been translated into Russian) and describes the main modern trends in the study of grounding. The Theory of Grounding, designed in the last quarter of the 20th century, has since then been developing within linguistic, narratological, cognitive and translation studies, being applied to texts of various genres in many languages. Early works in this sphere elaborated the criteria characterizing the relative grounding of the clauses in the narrative (based on temporal sequentiality and transitivity), while later research, focusing on the wider range of texts including free indirect discourse and non-sequential prose, highlighted the subjectivity of grounding, including criteria of human importance and unpredictability into the analysis of the salient clauses. As a result the Theory of Grounding has contributed to various coexisting trends in the scientific research concerning subordination of clauses and anaphoric relations in texts on the one hand, and deixis, evaluation and perspective on the other. Touching upon these trends in the review, we pay special attention to the analysis of grounding within translation studies: the researchers focus on transitivity in translation, revealing and explaining the cases of non-intentional and purposeful changes in transitivity made by translators. The analysis of the deictic center shifts in original texts and their translations also contributes to our knowledge of grounding devices. Out of all publications, our special attention is drawn to the studies of grounding that employ Russian-language narrative materials.

Keywords

saliency, grounding, foreground, background, deixis, translation

Введение

Соотносительная выделенность клауз¹ в нарративе — тема, развитая У. Лабовым [Labov, Waletzky 1967] с опорой на работы В. Проппа, — легла в основу лингвистической теории, получившей известность под названием «Theory of Grounding» (существует несколько вариантов русского перевода этого названия: «теория первого плана и фона», «теория выдвигания»). Удачную метафору, описывающую объект исследования этой теории, предложила Н. Кояма: раскладная книжка для детей интерпретирует нарратив, представляя наиболее значимые для читателя события и их участников в виде выдвигающихся картинок, тогда как фоновая информация изображается на гладком заднике [Koyama 2004: 1]. Различия между первоплановыми и фоновыми элементами повествования (воплощенные в раскладной книжке визуально) реализуются в текстах при помощи языковых средств. Авторы первых работ, описывавших критерии выдвигания одних клауз на первый план нарратива на фоне других, обращались к характеристикам диктумной составляющей текста, к семантическим и грамматическим свойствам предиката и актантов, формирующих клаузу, а также к принципам синтаксической иерархизации самих клауз. Одним из базовых понятий, с которыми связывались смысловые и грамматические свойства первоплановых клауз, стала транзитивность [Fillmore 1968, Clark 1973, Keenan, Comrie 1977, Норрег, Thompson 1980 et al.]. Однако со второй половины 80-х гг. XX в. большее внимание в исследованиях первого плана и фона стало уделяться роли субъективной семантики и средствам ее вербализации, обеспечивающим элементам повествования дополнительную выделенность [Fleischman 1990, Koyama 2004, Wårvik 2004]. Обращение от «простых нарративов» к более сложным и разнообразным жанрам, включение в материал произведений древних и новых эпох, сопоставление текстов на разных языках — эти и другие факторы привели к появлению целого ряда направлений в рамках данной научной традиции. Исследования в сфере когнитивной грамматики (широко использовавшие оппозицию «фигура / фон», восходящую к гештальт-психологии) [Talmy 1975, 2007, Langacker 1987, 2007, Taylor 2002, Croft, Cruse 2004] также оказали влияние на развитие представлений о текстовом выдвигании. Наконец, труды современных переводоведов, применяющих в сопоставительном анализе оригинальных и переводных текстов понятия первого

¹ «Клаузой называется любая группа, в том числе и не предикативная, вершиной которой является глагол, а при отсутствии полнозначного глагола — связка или грамматический элемент, играющий роль связки. Термин «клауза» точно соответствует английскому clause; то же понятие в лингвистической литературе на русском языке часто называют предикацией. Предложение (sentence) представляет собой финитную клаузу» [Тестелец 2001: 256].

плана, фона, транзитивности и выделенности, также представляют определенную веху в эволюции данной теории. В рамках всех существующих на данный момент концепций, восходящих к теории первого плана и фона, мы имеем дело с ее развитием и активным взаимодействием с другими современными научными направлениями, порой выходящими за рамки собственно лингвистики. Цель данного обзора — кратко охарактеризовать основные положения теории первого плана и фона и представления об «иерархии выделенности» клауз нарратива в классических зарубежных исследованиях (с опорой на не переведенные на русский язык лингвистические труды) и рассмотреть основные направления развития этих представлений на текущий момент, уделяя особое внимание работам, привлекающим русскоязычный материал в контексте сопоставления оригинальных и переводных текстов².

1. Критерии выдвижения клауз и представление о семантико-грамматической «иерархии выделенности» в классических трудах по теории первого плана и фона

Базовые положения теории первого плана и фона сформировались на основе идей У. Лабова и Дж. Валецкого, в свою очередь развивавших концепцию структуры нарратива, предложенную В. Я. Проппом (понятие «хода» сказки, сформированного четкой последовательностью «функций» — событий в тексте — при помощи сказуемых [Пропп 1928: 125], требовало переосмысления в применении к нарративным текстам других жанров). В известной работе «*Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience*» (1967) Уильям Лабов и Джошуа Валецкий (W. Labov, J. Waletzky) предложили рассматривать в качестве единицы повествования клаузу, противопоставив собственно нарративные клаузы остальным: свободным, ограниченным (*restricted*) и сочиненным (*coordinate*). Нарративные клаузы, соотношение которых формирует у читателя представление о временной последовательности отражаемых событий, составляют остов повествования. Свободные клаузы, передающие дополнительные сведения о месте и времени событий, о свойствах участников и характеристиках ситуации, могут быть перемещены относительно нарративных клауз без ущерба для временной последовательности ключевых происшествий, ограниченные клаузы перемещаются лишь в

² В данный обзор не включены работы, использующие термин *foregrounding* в других значениях, в частности, в значении стилистического приема неожиданного отклонения от литературной нормы (в этом случае *foregrounding* является переводом чешского термина *aktualizace* — «выделение», предложенного в 30-е годы Я. Мукаржовским) и в значении выделения ремы в высказывании (принципы соотношения первого плана и фона лишь отчасти сопоставимы с принципами выделения темы / ремы, топика / фокуса, данного / нового, см. также: [Ирисханова 2014: 35]).

небольшой зоне нарратива, сочиненные клаузы обозначают одновременные события и характеристики. Минимальный чертеж, соотносимый, по мнению авторов, с реализацией референтной функции повествования (т. е. с сообщением об имевших место событиях), усложняется в ходе выполнения нарративом эмотивной функции, усиливающей воздействие на читателя (например, при помощи нанизывания свободных, комментирующих клауз перед кульминационной нарративной — намеренного затягивания паузы, создания интриги), транслирующей адресату оценки происходящего, ретроспективы и выводы, мнение третьих лиц и т. п.

У. Лабов и Дж. Валецкий описали некоторые грамматические и семантические характеристики нарративных клауз, выделив в них так называемый «пик» (narrative head), обозначающий событие, произошедшее с героями нарратива, и реализованный личной формой глагола в простом прошедшем или простом настоящем времени. Безусловно, исследователи (а ими было обработано 400 «простых нарративов» — рассказов людей, переживших опасное приключение) столкнулись и с неоднозначными контекстами, которые оценивались с учетом перспективы текста, организованного точкой зрения рассказчика. Так, в повествовании о том, как человек чуть было не погиб, выстраивается следующая цепочка нарративных клауз:

<p><i>I caught cramps and I started yelling «Help» but the fellows didn't believe me, you know, and so I started going down and for no reason at all there was another guy, who had just walked up that minute he just jumped over and grabbed me</i></p>	<p><i>У меня ногу свело, и я стал звать на помощь, но ребята мне не поверили, понимаешь, и я начал тонуть, и вдруг откуда ни возьмись появился еще один парень, который только подошел в тот момент, он прыгнул и подхватил меня</i></p>
---	--

[Labov, Waletzky 1967, цит. по Labov, Waletzky 1997: 20, здесь и далее перевод мой, если не указано иное. — А. У.]

Обратим внимание на то, что клауза *and for no reason at all there was another guy* могла бы представлять стативный, свободный элемент фона (*и там почему-то был еще один парень*), однако с точки зрения рассказчика она подана (и должна быть переведена) как нарративная (*и вдруг откуда ни возьмись появился еще один парень*), поскольку трактуется как событие — появление спасителя, а не просто как комментирующее замечание о том, что рядом присутствовал еще один человек.

Последователи У. Лабова активно использовали не только его представление о нарративных клаузах, но и сами тексты, собранные им, —

вот почему «простые нарративы» составили основной материал в первых работах по теории первого плана и фона.

Вторая известная концепция, на которую опирались эти работы, представлена в статье Чарльза Филлмора (*Ch. Fillmore*) «*The Case for Case Reopened*» (1977). Введенное ученым представление о “Saliency Hierarchy” — семантико-грамматической «иерархии выделенности» — стало использоваться применительно к упорядочиванию ролей с определенной точки зрения в рамках отдельно взятой клаузы. Ч. Филлмор выделил четыре характеристики участников, способствующие их продвижению в позицию прямого дополнения: обозначение человека, а не животного или предмета (*humanness*), изменение местоположения в процессе осуществления действия (*change of location*), определенность (*definiteness*), полная охваченность действием (*totality*). Так, более естественно сказать *Я ударил Гарри палкой* (*I hit Harry with the stick*), чем *Я ударил палкой по Гарри* (*I hit the stick against Harry*), помещая обозначение человека в позицию прямого дополнения. В паре *I broke the vase with the hammer* (*Я разбил вазу молотком*) — *I broke the hammer on the vase* (*Я разбил молоток о вазу*) мы поместим в позицию прямого дополнения тот объект, который претерпел изменения (разбился). [Fillmore 1977: 75–79]. Понятие перспективы, таким образом, связывает, по мнению Ч. Филлмора, уровень семантических ролей и уровень их грамматических реализаций.

Рассматривая явление, исследованное Ч. Филлмором, на материале уже не отдельных предложений, а «простых нарративов» У. Лабова и других подобных текстов, Пол Хоппер и Сандра Томпсон (*P. Hopper, S. Thompson*) в статье «*Transitivity in Grammar and Discourse*» (1980) связали выдвижение клаузы на фоне других с целым кластером семантико-грамматических признаков. Именно эта работа считается основополагающей в теории первого плана и фона, в ней содержатся определения ее ключевых понятий (*grounding, foreground, background*³) и подробная характеристика признаков, способствующих выдвижению клаузы.

Приведем список критериев выдвижения клаузы по П. Хопперу и С. Томпсон:

³ «Используя язык, люди конструируют свои высказывания в соответствии с коммуникативными целями и восприятием потребностей адресата. Соответственно, в любой ситуации общения некоторые части произносимого представляются более значимыми, чем другие. Та часть дискурса, которая не относится непосредственно к цели говорящего, но лишь расширяет, комментирует ее, помогает ей, называется **фоном** (*background*). В противоположность этому материал, обеспечивающий выражение основного содержания дискурса, называется **первым планом** (*foreground*). Языковые характеристики, связанные с различием между первым планом и фоном, обозначаются термином **выдвижение** (*grounding*) <...> Фрагменты первого плана создают скелет текста, формируют его базовую структуру, тогда как фоновые фрагменты облекают скелет плотью, оставаясь при этом в стороне от основ его структурной связности» [Hopper, Thompson, 1980: 280].

1. Наличие субъекта и объекта действия, выраженных формально, или возможность их подстановки без изменения конструкции.
2. Семантические и грамматические характеристики предиката:
 - 2.1. Динамика (*kinesis*).
 - 2.2. Предельность, результативность или временная «отграниченность» действия (*boundedness*).
 - 2.3. «Точечность», компактность действия (*punctuality*).
 - 2.4. Контролируемость действия (*volitionality*).
 - 2.5. Наклонение (индикатив > не-индикатив).
3. Утвердительность.
4. Агентивность, характеристика действующего субъекта (оценивается по шкале: местоимение, относящееся к человеку (4 балла) > имя собственное (3 балла) > имя нарицательное, относящееся к человеку (2 балла) > имя нарицательное, относящееся не к человеку (1 балл)).
5. Задействованность объекта (объект изменяется в результате действия).
6. Индивидуализация объекта (определенность, конкретная референция в тексте — шкала 2>1>0)

Некоторые критерии в списке введены на семантическом основании, другие связаны с учетом формальных признаков компонентов клаузы. В целом первоплановые клаузы характеризует наличие агентивного субъекта и объекта, полностью охваченного действием, при предикате, обозначающем динамическое, целенаправленное, ограниченное во времени, результативное действие. Согласно такой шкале, предложения типа *John killed Jim* получают большее выдвигание и активнее привлекают внимание адресата, чем предложения *John saw Jim*, а те — больше, чем *John was ill* или *The wind was blowing*. Критерий «агентивности» антропоцентричен: наибольшую выделенность получают клаузы, где субъектом является человек. Предваряя возможные сомнения читателей по поводу критериев утвердительности клаузы и оформления предиката в индикативе, авторы статьи отмечают, что в исследованном ими корпусе нарративных текстов неутвердительные предложения и клаузы не в индикативе вообще встречались редко. Здесь, безусловно, сказалась особенность выбранного материала: «простых» нарративов без диалогов или внутренних монологов. Иллюстрируя каждый из введенных критериев выдвигания, авторы статьи привлекли материал более 30 разнотипных языков, однако примеры текстов, вошедших в корпус, представлены только на английском языке. Деление клауз, предложенное П. Хоппером и С. Томпсон, основывается на дихотомии *первый план — фон*, не предполагая переходных зон, и представляется универсалией,

восходящей к основным коммуникативным и психологическим функциям человеческого сознания.

Однако даже в «простом», нехудожественном нарративе, клаузы не делятся бинарно на первоплановые и фоновые. Идея необходимости скалярного подхода в определении критериев выдвижения зазвучала в работах американского слависта *Кэтрин Чвани* (*C. Chvany*) («*Foregrounding, 'Transitivity', Saliency*», «*Backgrounded Perfectives and Plot Line Imperfectives: Toward a Theory of Grounding in Text*» [1985a и b]), предложившей подсчитывать выделенность каждой клаузы в баллах и обозначившей соответствующую систему характеристик как «*Saliency Hierarchy*», расширив таким образом значение термина Ч. Филлмора. Члены оппозиции *первый план* — *фон* стали осмысляться как полюса «шкалы» выделенности клауз в тексте.

К. Чвани последовательно соотнесла критерии, выдвинутые П. Хоппером и С. Томпсон, с материалом русского и болгарского языка, доработав предложенную типологами универсальную классификацию. Кластеры внутри ее шкалы ориентированы на принципы описания фигуры на фоне в гештальт-психологии [Reinhart 1984]. (Шкала впервые представлена в [Chvany 1985a: 255], уточнена в [Chvany 1985b: 14, Chvany 1997: 292].) Всего кластеров три — это характеристики субъекта и объекта (в плане их большей или меньшей индивидуализации), свойства предиката (соотнесенные с принципами выделения гештальта), а также признаки целой клаузы, иконически связанные с представлением о выделенности.

Поскольку публикации К. Чвани, в значительной степени ориентированные на русскоязычный материал, не были переведены на русский язык, остановимся на них подробнее и прокомментируем устройство трех групп признаков в ее схеме.

Кластер 1. Степень индивидуализации участников ситуации

<i>Признаки индивидуализации</i>	
Главный участник (вне зависимости от падежа)/	
Референциальность	3 > 2 > 1 > 0
Антропоцентричность	4 > 3 > 2 > 1 > 0
Второй участник (в Им. или Вин. падеже)/	аналогично

В рамках первого кластера баллы для клаузы начисляются за такие свойства субъекта и объекта, как референциальность и антропоцентричность. Субъект (агенса, посессора, экспериенцера и т. п.) может быть выражен любым падежом (так учитываются особенности русской грамматики), объект задействован в выдвижении клаузы, только если он стоит в винительном или именительном падеже. Параметр **референциальности** учитывает, помимо упомянутых у П. Хоппера и С. Томпсон определенности и рефе-

рентного употребления, нахождение субъекта в реме или в инициальной теме предложения (максимум 3 балла по шкале К. Чвани). Параметр «**антропоцентричность**» включает одушевленность, конкретность, исчисляемость, форму единственного числа (максимум 4 балла).

Кластер 2. Свойства предиката клаузы

Результат > происшествие > гомогенный процесс > повторяющееся действие > состояние	4>3>2>1>0
Реальная модальность > гипотетическая модальность (в конструкциях с реальным условием) > ирреальная модальность	2>1>0
Воздействие на объект (вне зависимости от падежа): создан или уничтожен > перемещен или изменен > стал объектом прикосновения > не претерпел никакого воздействия	3>2>1>0
Утверждение > отрицание	1>0

К. Чвани опирается на доработанную классификацию З. Вендлера (при ее переводе мы воспользовались терминами Т. В. Булыгиной [Булыгина 1982]), считая, что эта таксономия учитывает введенные П. Хоппером и С. Томпсон характеристики **предельности, результативности, временной ограниченности** действия. Семантика предиката, обозначающего действие, уточняется путем учета характера воздействия на объект. Характеристика глагольной формы в плане наклонения также не предусматривает дихотомии (см. таблицу), последний критерий — утверждение > отрицание — взят из списка П. Хоппера и С. Томпсон.

Кластер 3. Признаки целой клаузы

Главное предложение > придаточное изъяснительное или определительное нерестриктивное ⁴ > другие типы придаточных > рестриктивное придаточное > причастие, деепричастие, девербатив	4>3>2>1>0
Диалог (я-здесь-сейчас) > повествование (+1 за настоящее историческое, -1 за болгарское пересказывательное наклонение)	1>0 (+1)
Переходная личная конструкция > непереходная личная конструкция > безличная конструкция	2>1>0
Контролируемость действия и агентивность (см. ниже)	3>2>1>0

⁴ В русской синтаксической традиции нерестриктивные придаточные обозначаются как определительные придаточные распространительного типа (*Я дал сверток старушке, которая поблагодарила меня и ушла*), а рестриктивные как определительные придаточные выделительно-ограничительного типа

Да, по существу, третьего в этой дуэли не было.	10
Было двое: любой и один.	10
То есть вечные действующие лица	
пушкинской лирики: поэт — и чернь.	10
Чернь, на этот раз в мундире кавалергарда, убила — поэта.	27
А Гончарова, как и Николай I-ый — всегда найдется.	14

[Chvany 1985b: 18–19].

Выявляется оригинальная композиция цветаевского текста: ключевое предложение о том, как чернь убила поэта (27 баллов), предваряется самыми фоновыми клаузами (по 10 баллов), создавая контраст, привлекающий внимание читателя к главной мысли автора.

Далее К. Чвани переходит к сопоставлению оригинала с двумя переводами: английским и болгарским. Ее цель — проследить, как выдвигание передается при переводе (*to account for the transfer of grounding in translations* [Chvany 1985b: 15]), замерив клаузы по той же шкале. Выясняется, что болгарский переводчик, подбирая точные грамматические эквиваленты (*убила поэта — бе убила поета*), уводит ключевую фразу в фон (плюсквамперфектный флэшбэк), в то время как английский переводчик жертвует формальной точностью, воспроизводя первоплановое выделение (*не had killed*, а именно *killed*).

К. Чвани впервые применила концепцию первого плана / фона в сопоставительном анализе оригинального текста и его переводов, соотнеся критерии, выдвинутые П. Хоппером и С. Томпсон, с материалом русского и болгарского языков и разработав затем собственную шкалу выделенности (*Saliency Hierarchy*) для характеристики более и менее выдвинутых клауз. Помимо К. Чвани, критерии П. Хоппера и С. Томпсон применяли к отдельным фактам славянских грамматик и некоторые другие исследователи: в 1982 г. была опубликована работа о транзитивности в чешской фольклорной сказке [Kalmár 1982], а в 1985 г. вышла статья, касавшаяся, в частности, выдвигания в русских модальных конструкциях с отрицанием [Rapaport 1985], однако, ограничиваясь рядом замечаний к теории первого плана и фона, авторы этих публикаций не разрабатывали целостных моделей текстового выдвигания.

2. Доработка критериев выдвигания клауз в нарративе: исследования на рубеже XX — XXI вв.

За последние два десятилетия XX в. и первое десятилетие XXI в. было опубликовано значительное количество работ, развивающих концепцию П. Хоппера и С. Томпсон, но не меняющих ее базовых принципов. Эти работы можно отнести к двум крупным направлениям.

Первое сформировано трудами по синтаксису текста, его когезии и когерентности, где ранжирование клауз и характеристика их составляющих становятся основанием для описания принципов связности текста, прогнозирующих его корректное линейное «развертывание». Исследования такого рода весьма разнообразны, общей их чертой является сама идея выдвинутости одних клауз по отношению к другим и учет определенной комбинации признаков таких клауз. Это статьи по теории риторических структур (Rhetorical Structure Theory) и теории репрезентации сегментированного дискурса (Segmented Discourse Representation Theory), фокусирующиеся на возможностях выстраивания текста из «ядерных» (*nucleus*) и «сопутствующих» (*satellite*) клауз [Mann, Thompson, 1988], связанных сочинительными и подчинительными «дискурсивными отношениями» [Asher, Vieu, 2005; Ramm, Fabricius-Hansen 2005; Hinterhölzl, Petrova 2011]. В теории центрирования (Centering Theory) ранжируются привлекающие внимание адресата «центры» — «референты дискурса» в контексте реализуемых ими семантических и синтаксических ролей, референциальных характеристик и информационного статуса [Grosz et al 2003; Chiarcos et al 2011]. Это ранжирование позволяет более полно описать механизм действия анафорических связей в тексте.

Второй подход продолжает традицию исследования выдвижения, основанную на анализе художественных текстов и стремящуюся сохранить идею «кластерности» семантико-грамматических признаков выдвижения клаузы, но при этом не упускающую из сферы внимания субъективность текстовой организации, — и, следовательно, параметр «точки зрения», организующий первый план и фон повествования. Интересно, что большая часть таких работ эксплицитно посвящена изучению темпоральных форм и функций предикатов в нарративе или реализации дейктических категорий в художественном тексте [Dry 1983, Fleischman 1990, Ehrlich 1987, Couper-Kuhlen 1989, Declerck 1991, Depraetere 1996, L. Grenoble 1998, Martín-Asensio 2000, Wårvik 2004, Koyma 2004 et al.]. В рамках этого направления критерии иерархии выделенности получают уточнение.

Так, обширную дискуссию и ряд интересных предложений вызвал вопрос о том, всегда ли придаточные предложения и нефинитные формы тяготеют к области фона, ведь нередко они также обозначают события, «выстраивающие» сюжет (*Наконец встретив мужчину своей мечты, она вышла за него замуж*). Обращаясь к понятию «движения нарративного времени», Хелен Драй (H. Dry) в статье «*The Movement of Narrative Time*» (1983) предложила рассматривать в составе первого плана все клаузы нарратива, соотносимые с последовательностью «точек» — со-

бытий — на темпоральной оси, вне зависимости от того, как они синтаксически оформлены. Фон текста в этом случае включает элементы, не соотносимые с одной такой «точкой» (процессы, повторяющиеся и многократные действия), либо соотносимые с «точкой», которая не входит в фабульную последовательность (сюда Драй отнесла события, обозначенные формами *Past Perfect*) [Dry 1983: 48].

Элизабет Каупер-Кулен (*E. Couper-Kuhlen*) в работе «*Foregrounding and Temporal Relations in Narrative Discourse*» (1989) исследовала ситуации, когда в специфических контекстах для введения первопланового события используется форма глагола *to be* (не случайно при ее переводе на русский язык задействуется глагол совершенного вида): *John went over the day's perplexing events once more in his mind. Suddenly, he was fast asleep* (Джон еще раз обдумал странные события этого дня. Неожиданно он крепко заснул) [Couper-Kuhlen 1989: 27]. Временную «отграниченность» (*boundedness*), необходимую для события в рамках первоплановой цепочки, создает в этом случае даже не семантика предиката, а контекст, в первую очередь такие элементы, как *and then, at once* или *suddenly*. То, что слова со значением неожиданности могут «выдвинуть» ситуацию на первый план, сделать ее «событием» в рамках сюжетной цепочки, оказалось важным наблюдением, однако убедительное объяснение этого явления в рамках теории выдвижения было предложено чуть позже в работах С. Флейшман (см. ниже).

Ренаат Деклерк (*R. Declerck*) в книге “*Tense in English – Its Structure and Use in Discourse*” (1991) и Илзе Депратере (*I. Depraetere*) в статье “*Foregrounding in English relative clauses*” (1996) уделили особое внимание отмеченным К. Чвани возможностям выражения первоплановой и фоновой информации в придаточных рестриктивного и нерестриктивного типа [Declerck 1991, Depraetere 1996]. Если нерестриктивные придаточные нередко оформляют элементы сюжетной «цепочки» (*I gave the letter to the clerk, who copied it*), то рестриктивные принято считать областью глубокого фона: они ограничивают участников ситуации, учитывая их свойства или действия (*I chose the sandwich that was on the top of the plate*). Однако исследователи обнаружили и описали случаи, когда рестриктивное придаточное может оказаться выдвинутым на первый план: если ситуация, обозначенная им, ограничена по времени, а само предложение предшествует главному:

A simple enough question. But the passengers who heard it turned to see who asked it. (Простой вопрос. Но пассажиры, которые услышали его, обернулись, чтобы увидеть того, кто его задал.) [Depraetere 1996: 719].

Исследования Р. Деклерка и И. Депратере учитывают и семантику предикатов, и их грамматические формы, и определенность / неопреде-

ленность актантов. Однако, детально изучая определенные комбинации уже описанных критериев выдвижения, авторы остаются в рамках существующей классификации.

В 1998 году вышла монография *Ленор Гренобль (L. Grenoble) "Deixis and Information Packaging in Russian Discourse"*, затрагивающая, в частности, вопросы, связанные со средствами выдвижения в русском языке. В главе «Выдвижение и выделенность» автор, опираясь на концепцию У. Лабова и П. Хоппера — С. Томпсон, анализирует функционирование русских видо-временных форм в повествовательных текстах, отмечая способность глаголов в настоящем историческом выдвигать информацию на первый план. Разнообразные средства выражения значений ирреальной модальности рассматриваются как способы организации фона повествования. Особенности вербализации основных актантов (субъекта и объекта) в русских предложениях связываются с конкретными вопросами реализации категорий числа и одушевленности, а также значений определенности / неопределенности. На синтаксическом уровне в рамках теории выдвижения описываются возможности оформления действительного и страдательного залога, прослеживается взаимосвязь между соотносительным выдвижением клауз и темо-рематическим развертыванием текста. В работе привлечен обширный русскоязычный материал, выводы автора подтверждают наблюдения, сделанные ранее К. Чвани.

3. Когнитивные исследования в сфере «иерархии выделенности»: акцент на субъективной составляющей текстового выдвижения.

Новый виток исследований соотносительной выделенности клауз в нарративе, который мы можем наблюдать в начале третьего тысячелетия, связан с повышением внимания к субъективной, модусной составляющей текстового выдвижения. Этому способствовало расширение изучаемого материала, включение в круг анализируемых текстов средневековых и новейших нарративов на разных языках, произведений, содержащих несобственно-прямую речь, развернутый внутренний монолог, «поток сознания».

Провозвестником изменений стала книга *Сьюзен Флейшман (S. Fleischman) «Tense and Narrativity. From Medieval Performance to Modern Fiction»*, появившаяся еще в 1990 г. (и ряд статей этого автора). С. Флейшман исследовала специфический материал — средневековые нарративы, созданные на старофранцузском и испанском языке в рамках разных жанров, в первую очередь баллады и эпические сказания, такие как «Песнь о Роланде» или «Песнь о Сиде». Обладая специфическим синтаксисом

и реализуя возможности сложных систем грамматических форм, эти тексты демонстрируют нам необычную поэтику, лингвистические механизмы которой могут быть описаны в прагматическом ключе. С. Флейшман предложила дополнить композиционно-семантический критерий конституирования временной последовательности, введенный для первоплановых элементов текста У. Лабовым, и семантико-грамматические критерии транзитивности, предложенные П. Хоппером и С. Томпсон, — прагматическими критериями «важности для человека» (*human importance*) и «неожиданности», «непредсказуемости» для говорящего и адресата информации, помещенной в клаузу. Явление выдвижения «неожиданного» в тексте возводится С. Флейшман к принципам описания фигуры на фоне в гештальт-психологии. Фон предсказуем, появление на нем фигуры — отклонение от этой предсказуемости. С точки зрения теории информации, неожиданный элемент более информативен, чем ожидаемый, и это контекстуально обусловленное свойство делает его более выделенным.

С. Флейшман обращает наше внимание на особую роль настоящего исторического в повествовании о прошлом. Ее наблюдения в этой сфере совпадают с идеей К. Чвани — настоящее историческое способствует «выдвижению события» на фоне других, и эта стратегия широко используется в средневековом нарративе: «Форма настоящего времени во многих языках задействуется для создания “текстуры” выдвижения, поскольку она помогает достичь особого эффекта: нарратор, оставив позицию отстраненного, неэмоционального историографа и подавая материал в манере наблюдателя-очевидца, сигнализирует таким образом аудитории о том, что информация, изложенная в презенсных клаузах, заслуживает особого внимания» [Fleischman 1990: 356].

Небесспорной представляется автору квалификация всех описаний как элементов фона. С. Флейшман пишет, что в старофранцузских сказаниях (как и вообще в традиционном повествовании, сформировавшемся в устном бытовании) эстетическую ценность представляет мастерство, с которым повествователь расширяет описательную часть, выделяя специфические детали на фоне стандартных, «рутинных» [Fleischman 1990: 320]. Не менее «важными», как считает автор, для современного читателя предстают, например, описания экзотических миров и инопланетян в новых фантастических блокбастерах. Для того чтобы выделить в таких фрагментах лингвистические маркеры выдвижения, необходимо снять с описательных фрагментов «клеймо» тотального фона, выработать более тонкие инструменты их анализа. Разветвленная система времен, применяемая в средневековых эпохах, позволяет сконцентрировать внимание читателя не только на событиях,

от которых зависит судьба героев (чаще всего это настоящее историческое или перфект), но и на нестандартных характеристиках героев, их внешности, оружия и т. п. (в этом случае задействуется имперфект в сочетании с эмотивно-оценочной лексикой). С. Флейшман утверждает, что выдвигание и оценка — это «две стороны одной медали». Если абстрагироваться от идеи первого плана как цепочки последовательных событий и вернуться к свойствам фигуры на фоне, то составляющими фона в нарративе окажутся элементы, предсказуемые в данном контексте, а также элементы, не квалифицированные в оценочном плане. Напротив, на первом плане аккумулируются элементы неожиданные, нарушающие рутинный «сценарий», а также те компоненты нарратива, по отношению к которым так или иначе выражена оценка.

Помещение наиболее важного события текста в область фона — один из поэтических приемов уже в современной литературе, сознательная игра с нормой, позволяющая представить нестандартную точку зрения героя на мир. С. Флейшман приводит пример из романа Вирджинии Вульф «На маяк»: «*Mr. Ramsey, stumbling along a passage one dark morning, stretched his arm out, but Mrs. Ramsey **having died rather suddenly** the night before, his arms, though stretched out, remained empty*» («Мистер Рэмзи, спотыкаясь на ходу одним темным утром, распростер руки, но, так как миссис Рэмзи вдруг умерла прошлой ночью, он просто распростер руки. Они остались пустыми» — литературный перевод Е. Суриц). Одно из главных сюжетных событий — смерть жены мистера Рэмзи — намеренно подано как фоновое (в виде перфектного причастия) — автор представляет нам искаженное восприятие действительности героем. Аналогичный пример ранее приводила и К. Чвани: в рассказе А. П. Чехова «Спать хочется» обезумевшая девочка-нянька, поглощенная желанием заснуть, не понимает, что совершила убийство — это событие оформлено в виде деепричастия как фоновое, наименее важное: «*Варька подкрадывается к колыбели и наклоняется к ребенку. **Задушив** его, она быстро ложится на пол, смеется от радости, что ей можно спать, и через минуту спит уже крепко, как мертвая...*». «Задвижение» в область фона события, наиболее «важного для человека», указывает на несовпадение точки зрения, с которой ведется в этот момент повествование, с общепринятой точкой зрения, то есть на усложнение нарративной перспективы.

Идеи С. Флейшман получили развитие в ряде исследований, среди которых — диссертационная работа Нобуко Коямы (*N. Koyama*) о выдвигании и дейксисе в перволичном японском нарративе «*Grounding and Deixis: a Comprehensive Approach to the Grounding Phenomenon in Japanese Narrative*» (2004). Н. Кояма устанавливает соотношение между двумя научными теориями: теорией выдвигания и теорией «дейктического

сдвига» (*Deictic Shift Theory*). Ключевым понятием второй теории [см: Duchan et al. 1995] является «дейктический центр» — специфическая «когнитивная позиция читателя» в мире нарратива, точка отсчета временных и пространственных смыслов, ориентированных на определенного субъекта, к позиции которого читатель мысленно присоединяется. Таким образом, выдвигание клауз тесно связывается с перспективой повествования. В качестве материала Н. Кояма выбирает перволичный нарратив (произведения Х. Мураками и Б. Ёсимото), в котором центральное место занимают воспоминания, наблюдения и размышления повествователя, а не сюжетная линия. Перемещение дейктического центра из настоящего в прошлое, из одного локуса в другой, от повзрослевшего повествователя к его более молодому «я», фокусирование на определенных впечатлениях и идеях в таких текстах несет особую художественную нагрузку, на первый план выдвигаются клаузы, сопряженные с экспликацией или переключением точки зрения героя. Н. Кояма пишет: «Сдвиг дейктического центра всегда привлекает внимание читателя, выделяясь на фоне остального повествования» [Кояма 2004: 9].

Как и К. Чвани, Н. Кояма заостряет внимание на «выделяющей» функции форм настоящего исторического и дейктических показателей. Появляется и новый параметр выделенности клаузы — использование предикатов ментального и перцептивного модусов, а также показателей неожиданности (напр., *all of a sudden*). В русской лингвистической традиции эти средства принято относить к эгоцентрикам, маркирующим позицию говорящего, наблюдателя или адресата [Падучева 1996: 258]. Предикаты ментального и перцептивного модусов, не обозначающие перехода целенаправленного действия с субъекта на объект, не могут оказаться в зоне первого плана по критериям П. Хоппера и С. Томпсон, однако новый подход к изучению выдвигания на фоне текстовой субъективности призван внести коррективы в это представление. Именно такие предикаты, позволяющие читателю «подключиться» к мыслям и ощущениям фокального персонажа, выделяют клаузы, получающие выдвигание по критериям «важности для человека» и «неожиданности». Будучи опорными «вехами», позволяющими читателю ориентироваться в перспективе текста, они могут сигнализировать о переключении точки зрения.

Эта идея получает развитие, когда Н. Кояма обращается к способам представления точки зрения персонажа как внешней или как внутренней. Языковыми средствами реализации внутренней точки зрения являются те самые предикаты перцептивного и ментального модуса, которые Б. А. Успенский обозначил в этой функции как *verba sentiendi* [Успенский 1995: 114]. Представление же точки зрения персонажа как внешней

требует других показателей — маркеров эвиденциальности или персуазивности. Разбирая соответствующий фрагмент романа Х. Мураками «Слушай песню ветра», Н. Кояма представляет нам следующую схему [Кояма 2004: 35]:

“He seemed to have a strong urge to smoke a cigarette for the first time in three years”. (Казалось, ему впервые за три года очень хотелось закурить).	“He had a strong urge to smoke a cigarette for the first time in three years”. (Ему впервые за три года очень хотелось закурить).	
Нет -----	Проникновение в мысли героя -----	Есть
Меньшая -----	Информативность -----	Большая
Фон -----	Выделенность -----	Первый план

Субъективное представление информации в рамках внутренней точки зрения, дающее читателю «прямой доступ» к мыслям героя, является, по мнению Н. Коямы, более информативным и способствует большему выдвиганию фрагмента текста.

Безусловно, представленная в исследовании Н. Коямы трактовка явления выдвигания значительно отличается от классической концепции 80-х гг. XX в. Обнаруженная близость между явлениями выдвигания и сдвига дейктического центра отчасти обусловлена и тем, что само выдвигание изучается в данном случае в аспекте текстовой субъективности. Тем не менее появление такой интерпретации показательно: вопрос о соотношении перспективы и выдвигания становится в новом веке актуальным для нарратологов, лингвистов и когнитологов.

Уточнению критериев текстового выдвигания клауз посвящена и статья шведской исследовательницы *Бриты Уорвик* (B. Wårvik) «*What is foregrounded in narratives? Hypotheses for the cognitive basis of foregrounding*», также вышедшая в 2004 г. Б. Уорвик отмечает, что в сложившейся традиции лингвистического анализа текстов существуют два понимания термина первый план (*foreground*), которые нередко смешиваются: «первый план» как сюжетная цепочка следующих друг за другом событий (*foreground as a temporally sequential story-line*) и «первый план» как сюжетная цепочка основных событий (*foreground as a main story-line*). Это замечание трудно не признать справедливым. Действительно, начиная с У. Лабова, авторы оперируют обеими трактовками, причем если в «простых нарративах» два соответствующих принципа выделения первого плана совпадают (в центре повествования оказываются события, которые последовательно происходили с определенными участниками), то при анализе более сложных текстов, как пишет Б. Уорвик, предпочте-

ние отдается критерию «важности», а не временной последовательности, но тогда выдвижение определенных событий на фоне остальных явлений становится более субъективным (добавим: связанным с выбором определенной точки зрения).

Последовательно излагая суть трудов П. Хоппера — С. Томпсон, а затем К. Чвани, Б. Уорвик тезисно характеризует и комментирует основные принципы «иерархии выделенности» клауз в нарративе: континуальность, кластерность, контекстуальную ориентированность (клаузы соотносятся друг с другом), соединение формальных и семантических критериев при определении характеристик клауз. По поводу последнего принципа Б. Уорвик справедливо замечает, что формальные показатели и содержательные свойства клауз и их элементов не всегда поддерживают друг друга и что в идеале теория выдвижения должна была бы определить «удельный вес» каждого критерия и принцип их доминирования в случае противоречия, однако, как признает автор, «мы еще не достигли этого этапа в исследовании выдвижения» [Wårvik 2004: 100].

Далее Б. Уорвик представляет собственную таблицу критериев выдвижения, интегрирующую идеи предыдущих авторов и отчасти уточняющую их. Группируя целый ряд характеристик субъекта и объекта первоплановой клаузы (одушевленность, конкретность, исчисляемость, форма единственного числа, определенность, обозначение местоимением или именем собственным, указание на человека), исследовательница предлагает перенести сюда агентивность, отделив ее от контролируемости действия (у К. Чвани они выступали в паре), и учесть, насколько участник, занимающий позицию подлежащего, соответствует прототипическому агенсу. Действительно, в паре предложений *John was drinking coffee. It was steaming* (Джон пил кофе. Кофе был горячим) мы воспримем вторую часть как фоновый комментарий к первой, тогда как в паре *John was drinking coffee. He was steaming* (Джон пил кофе. Он горячился) вторая часть окажется не менее выдвинутой, чем первая. Кроме того, «разведение» критериев контролируемости и агентивности поможет более корректно описать предложения типа *John burnt his tongue* (Джон обжег язык), где агенс совершает неконтролируемое действие, и даже *The coffee helped him stay awake* (Кофе помог ему не заснуть), где неодушевленный каузатор персонифицируется, совершая псевдоконтролируемое действие. В рамках критерия топикальности участников автор отмечает, что «данное», известное предстает более «выдвинутым», чем «новое», неизвестное, — и это еще раз подчеркивает тот факт, что теория выдвижения не проецируется с легкостью на представления об актуальном членении текста (ср.: [Depraetere 1996: 714, Ирисханова 2014: 179]). Исследовательница помещает в зону первого плана сразу два

времени: *past* и *story-now*: прошедшее нарративное выделяет основные элементы сюжета, настоящее историческое располагает события «близко» к читателю. Отрицание совсем исключается из таблицы, причем Б. Уорвик приводит, на наш взгляд, убедительное обоснование этого решения: различия в выделенности предложений *Джон выпил кофе* и *Джон не выпил кофе* в конкретном участке нарратива будут обусловлены не наличием отрицания, а контекстом, а точнее, тем, насколько ожидаемым / неожиданным для читателя станет то или другое продолжение.

Развивая идею К. Чвани о том, что индивидуализация участников сопряжена с иконичностью (в связи с антропоцентрическим принципом «важности для человека») [Chvany 1985a: 248], Б. Уорвик предлагает учесть при характеристике выделенности клауз точку зрения не только говорящего, но и адресата [Wårvik 2004: 115]. Эта идея представляется ценной: действительно, выдвижение одних клауз на фоне других всегда отображает ранжирование событий, их участников и характеристик, и потому априори субъективно. Субъективность эта имеет достаточно сложную природу: она принадлежит создателю текста, но при этом «спроецирована» и на адресата, восприятием которого создатель текста в большей или меньшей степени манипулирует.

Концепция Б. Уорвик, подчеркивающая, как отмечено в названии статьи, «когнитивную природу выдвижения», предсказуемо сближается с идеями, высказываемыми в работах по когнитивной грамматике, которые активно используют понятия фигуры и фона в описании работы механизмов восприятия, концентрации внимания, памяти и т. п. при характеристике семантики слов и синтаксических конструкций [Talmy 1975, 2007, Langacker 1987, 2007, Taylor 2002, Croft, Cruse 2004]. Оставляя вне фокуса нашего обзора труды по когнитивной грамматике, не ориентированные на изучение выдвижения в структуре нарратива⁶, мы остановимся на результатах проведенного в рамках данной научной традиции исследования Ари Верхагена (A. Verhagen) «*Construal and Perspectivization*» (2007), включающего анализ повествовательных текстов и оперирующего понятиями дейктического центра и перспективизации (механизма формирования перспективы) в высказывании. Представляя объемный обзор классификаций механизмов конструирования по Р. Лангакеру, Л. Талми, У. Крофту и А. Крузу, автор статьи отмечает, что, несмотря на целый ряд расхождений, все исследователи выделяют механизм, связанный с формированием перспективы. Однако, по мнению А. Верхагена, при описании этого механизма недостаточно учитывается

⁶ Подробный обзор зарубежных исследований по когнитивной грамматике представлен в монографии [Ирисханова 2014].

позиция адресата. Как пишет Верхаген, в любом высказывании говорящий по сути побуждает адресата уделить внимание определенному объекту, задавая ракурс его видения при помощи дейктических отсылок и других способов формирования перспективы [Verhagen 2007: 60]. Сообщение говорящего может указывать на переключение точек зрения при помощи «сдвига дейктического центра», и подобные фрагменты привлекают внимание адресата:

I looked through the window and saw that the children were very nervous. In few minutes, Santa Claus would come in. (Я заглянул в окно и увидел, что дети очень взволнованы. Через несколько минут должен был войти Санта-Клаус.)

[Verhagen 2007: 73].

Однозначно определить, в рамках чьей точки зрения использованы слова *few* и *would*, не так просто, однако глагол *come in* указывает на то, что речь идет о предполагаемом восприятии детей, находящихся внутри дома, и действительно, говорящий, который наблюдает за ними через окно, лишь временно представляет себе их точку зрения (он и есть тот взрослый человек, который собирается войти к детям в образе Санта-Клауса).

Итак, по сравнению с классическим подходом к изучению выдвигания клауз в нарративе, ряд более поздних исследований демонстрирует повышенное внимание к субъективной природе формирования первого плана и фона текста. Введение критериев «важности для человека» и «неожиданности» позволяет объяснить, почему ситуации, не обозначающие результативных действий агентов с объектами (т. е. не имеющие высокой транзитивности), могут тем не менее осмысливаться как значимые события, особенно в контексте тех произведений, где сюжетное действие не играет ведущей роли. Теория первого плана и фона сближается с исследованиями перспективы текста, анализ семантических и грамматических характеристик клауз сочетается с изучением средств, локализующих дейктический центр нарратива, вербализующих переключение точек зрения в ходе повествования.

4. Сопоставительные и переводоведческие исследования в сфере текстового выдвигания, транзитивности, выделенности.

Задачу систематизировать понятия, выработанные в рамках теории первого плана и фона и смежных когнитивных исследований, а также применить их в сопоставительном анализе английских и арабских новостных сообщений (с учетом особенностей их перевода) ставит в своих работах Эсам Н. Халил (*E. N. Khalil*), автор монографии «*Grounding in*

English and Arabic News Discourse» (2000) и статьи «*Grounding between Figure-Ground and Foregrounding-Backgrounding»* (2005). Исследователь отмечает, что систематизация необходима из-за неоднозначности существующей терминологии: понятия первого плана и фона равным образом относят как к поверхностному, так и к семантическому уровню текстовой организации, говоря то о первоплановых и фоновых клаузах, то о первоплановой и фоновой информации.

Определяя понятие выдвигения (*grounding*) с точки зрения «иерархических взаимоотношений пропозиций в тексте в плане их семантической важности» [Khalil 2000: 1], Э. Н. Халил считает выдвигение особым аспектом скалярной (не дихотомичной) организации текста, который не должен смешиваться ни с когерентностью, ни с актуальным членением. Проявления семантического выдвигения на поверхностном уровне текста автор обозначает при помощи термина *prominence* («выпуклость, заметность»), различая более и менее заметные части текста (как результат семантического выдвигения пропозиции или реализации ее в сфере фона). Именно заметность одних частей текста по сравнению с другими на поверхностном уровне может быть сопоставлена с явлением выделения фигуры на фоне в гештальт-психологии. Операция оформления частей текста как более / менее заметных обозначается соответственно терминами *foregrounding* / *backgrounding* и напрямую связывается с выбором определенной точки зрения, с которой ситуация воспринимается и подается адресату [Khalil 2005].

Материалом исследования Э. Н. Халила стали не классические нарративы, а тексты новостей на арабском и английском языке. Его монография представляет собой первый опыт сопоставительного анализа приемов выдвигения в этих двух языках. Автор пишет: «[В]ыдвигение — фундаментальная характеристика текста, и градуальные различия важности его частей крайне важны для понимания и перевода» [Khalil 2000: 2]. Э. Н. Халил выделяет в новостном сообщении три семантических зоны: первый план, средний план (*midground*) и фон. Средний план представлен клаузами, переформулирующими первый план с большей или меньшей детализацией (такой прием характерен для новостей), тогда как фон содержит указание на обстоятельства происшествия, напоминание о предшествующих событиях, сопутствующих явлениях. (Отметим, что указание на источник информации о событиях, помещенных в зону первого плана, автор относит к среднему плану.) Особое внимание Э. Н. Халила привлекают не имеющие точных эквивалентов в английском языке инициальные арабские маркеры, упорядочивающие первоплановую и фоновую информацию в тексте (приблизительный перевод некоторых из них: ‘среди того, что нужно упомянуть’; ‘с другой

стороны»; ‘известно, что’; ‘в то же время’; ‘в то время как’; ‘в добавление’). Эти маркеры, имеющие логические, временные, персуазивные значения, не служат, как утверждает автор, для формирования когерентности текста, а устанавливают корректную перспективу — взгляд на иерархизацию поданной информации. При переводе английских новостных текстов (где количество связующих коннекторов вообще минимально: по законам новостного жанра читателю подается набор событий, а логические связи между ними он эксплицирует сам) на арабский язык маркеры, иерархизирующие информацию, должны быть добавлены, иначе текст оказывается семантически неорганизованным. И наоборот, если пытаться воспроизвести подобные обороты при переводе новостного сообщения с арабского языка на английский, оно не будет соответствовать своему жанру: новостное сообщение превратится в редакционную статью.

Если мы обратимся к работам, созданным за последние два десятилетия в сфере переводоведения, то также обнаружим ряд исследований, касающихся текстового выдвигения, однако каждое из них связано с отдельным его аспектом и не опирается на теорию выдвигения как на специальную концепцию.

В первую очередь внимание переводоведов привлекает изменение транзитивности клауз при переводе, в результате которого информация перемещается из области первого плана в зону фона или наоборот. Бэзил Хатим и Ян Мейсон (B. Hatim, J. Mason) в книге «*The Translator as Communicator*» (1997, 2005) рассматривают два показательных материала. Первый представляет протокол судебного слушания: в англоязычном оригинале вопросы адвоката к свидетелю оформлены так, что обвиняемый никогда не оказывается в позиции подлежащего и не вербализуется как агенс при акциональных предикатах, тогда как в испанском переводе его активная роль в предпринятых действиях обозначается прямо, ср.:

Attorney: Where were you going to be given a ride to , where was your destination? /Куда Вас должны были отвезти , где был пункт назначения?/	Interpreter: ¿Cuál era el destino de ustedes, hacia dónde les iba a dar el ride? [What was your (plur.) destination, to where was he going to give you (plur.) the ride?] /Где был пункт назначения, куда он собирался Вас отвезти? /
Attorney: Did you discuss with him where you were going to be taken? /Обсуждали ли Вы с ним, куда Вас должны были отвезти? /	Interpreter: ¿Discutió usted con él adónde lo iba a llevar? [Did you discuss with him where he was going to take you?] /Обсуждали ли Вы с ним, куда он собирался Вас отвезти? /

[Hatim, Mason 2005: 6–7].

По мнению исследователей, стратегии адвоката и переводчика различаются меньшим и большим фокусированием на ответственности обвиняемого: выбор синтаксических конструкций имеет прагматически значимые последствия.

Второй материал — фрагмент из романа А. Камю «Посторонний» и его английского перевода, представляющий обратное соотношение:

<p>Tout mon être s'est tendu et j'ai crispé ma main sur le revolver. La gâchette a cédé, j'ai touché le ventre poli de la crosse et c'est là, dans le bruit à la fois sec et assourdissant, que tout a commencé. <...> Alors j'ai tiré encore quatre fois sur un corps inerte où les balles s'enfonçaient sans qu'il y parût. Et c'était comme quatre coups brefs que je frappais sur la porte du malheur.</p>	<p>Every nerve in my body was a steel spring, and my grip closed on the revolver. The trigger gave, and the smooth underbelly of the butt jogged my palm. And so, with that crisp, whip-crack sound, it all began. <...> But I fired four shots more into the inert body, on which they left no visible trace. And each successive shot was another loud, fateful rap on the door of my undoing.</p>
<p>Все во мне напряглось, пальцы стиснули револьвер. Выпуклость рукоятки была гладкая, отполированная, спусковой крючок поддался — и тут-то, сухим, но оглушительным треском, все и началось. <...> Тогда я еще четыре раза выстрелил в распростертое тело, пули уходили в него, не оставляя следа. И эти четыре отрывистых удара прозвучали так, словно я стучался в дверь беды.</p>	

[Natim, Mason 2005: 8, литературный перевод с фр. Норы Галь]

Если в оригинале герой предстает активным действующим лицом (он эксплицирован как агенс при большинстве предикатов и помещен в позицию подлежащего, так что читатель фокусирует внимание на его действиях), то в английском переводе на первом плане оказываются сами события, а также ощущения героя, но сам он в значительной степени «устранен» из конструкций, перемещен в область фона повествования. Обобщая подобные наблюдения в статье «*Text Parameters in Translation: Transitivity and Institutional Cultures*» (2004) Ян Мейсон (J. Mason) отмечает, что изменения транзитивности могут быть как неосознанными (когда переводчик автоматически перефразирует текст, подбирая наиболее распространенные конструкции языка перевода), так и намеренными (когда за выбором конструкций стоит специальная стратегия). Случаи второго типа нередко сопряжены с идеологизацией перевода, изменением оценки событий и действующих лиц.

Также объектом переводоведческих исследований становятся стратегии добавления / изъятия / варьирования дейктических показателей, способные изменить точку зрения на события нарратива, выдвинув или, наоборот, затушевав некоторые из них. В книге «*Deixis as an*

Interactive Feature in Literary Translations from Romanian into English» (2004) Ян Мейсон и Адриана Шербан (A. Şerban) на материале корпуса текстов (повестей и рассказов XX в.), переведенных с румынского на английский, выявили и охарактеризовали последовательные изменения дейктических показателей (в первую очередь местоимений, наречий и временных форм глагола), сопряженные с дистанцированием точки зрения на события: читатель переводов меньше вовлечен в хронотоп происходящего в нарративе, зона первого плана в соответствующих текстах изменяется.

Пампук Гуталс (P. Goethals) в статье «*Between semiotic linguistics and narratology: Objective grounding and similarity in essayistic translation*» (2008) и в совместной публикации с Джули Де Вилде (J. De Wilde) «*Deictic Center Shifts in Literary Translation: the Spanish Translation of Nooteboom's Het Volgende Verhaal*» (2009) обращается к изучению явления сдвига дейктического центра на переводном материале⁷. Авторы прослеживают, как переводчик подбирает средства для того, чтобы воспроизвести в тексте переключение точек зрения, выявляют неверные решения и даже случаи «колебания переводчика, склонного дополнительно выделить наиболее заметный дейктический центр» [Goethals, De Wilde 2009: 643]. Опираясь на корпус голландских текстов и их испанских переводов и сравнивая результаты своего анализа с данными Я. Мейсона и А. Шербан, ученые отмечают, что их материал не демонстрирует столь явной тенденции к дистанцированию (или напротив, приближению) точки зрения на события во всех изученных текстах: последовательные изменения дейктиков наблюдаются только в пределах текста и могут быть обусловлены особенностями переводческого прочтения оригинала.

Джерему Мундей (J. Munday) в монографии «*Evaluation in Translation: Critical Points of Translator Decision-Making*» (2012), посвященной интерпретации оценочных смыслов при переводе текстов СМИ, политических выступлений и художественных произведений, уделяет внимание как диктумному, так и модусному выдвижению информации: случаи первого типа относятся к изменению транзитивности [Munday 2012: 17–18, 29–32, 101], второго — к варьированию дейктических смыслов и, шире, — субъективных смыслов, формирующих точки зрения в тексте [Munday 2007, Munday 2012: 68–76]. Поскольку в центре внимания исследователя находятся тексты политических выступлений (в частности, речи Барака Обамы) и их переводы на разные языки, то прагматический эффект выдвижения определенной информации, тесная связь выдвижения и перспективы, ориентация этих приемов организации текста на целевую

⁷ Термин *grounding* П. Гуталс использует в более узком понимании, предложенном Р. Лангакером, трактуя его как комплекс дейктических отсылок, при помощи которых проявляется точка зрения на события в тексте. [Langacker 1987:126]

аудиторию, иллюстрируемая при помощи подобного материала, становятся особенно заметными.

В 2018 г. вышла новая объемная монография, аккумулирующая разработки в сфере теории первого плана и фона и применяющая их к новому материалу. Это книга «*Grounding in Chinese Written Narrative Discourse*» Вендан Ли (*Wendan Li*). Выдвижение в ней трактуется как «универсальное лингвистическое явление, которое представляет и организует единицы дискурса на различных уровнях выделенности» [Wendan Li 2018: 1]. В фокусе исследования этого явления — приемы выдвижения, грамматические средства, которые формируют различие первого плана и фона, придают дискурсу структуру, превращают его в «историю». Относя текстовое выдвижение к проявлениям когнитивной деятельности, Вендан Ли отмечает, что именно с ним связано наше представление о соотношении между грамматическими структурами, их семантическими и прагматическими функциями и коммуникативным намерением говорящего. Автор детально рассматривает критерии выдвижения клауз в семантическом и грамматическом плане (здесь вновь появляются все составляющие кластера признаков транзитивности по П. Хопперу и С. Томпсон), отмечает наиболее распространенные средства выдвижения клауз, выявленные при изучении текстов на разных языках. Важной является характеристика автором выдвижения как «N-мерного понятия» (*N-ary notion*), т. е. имеющего не бинарный, а скалярный характер: представления о первом плане и фоне, положенные в его основание, можно считать прототипическими «полюсами», между которыми выстраивается сложный рисунок реального нарратива [Wendan Li 2018: 16]. В разделе о критике теории первого плана и фона автор, ссылаясь на работы Х. Драй и С. Флейшман, отмечает, что такие характеристики событий, как последовательность, выделенность и важность, могут не совпадать и вопрос о том, какую из них считать определяющей для выдвижения, решается по-разному. Кроме того, ключевые термины теории первого плана и фона за много лет получили разнообразные интерпретации под влиянием ряда лингвистических и нарратологических концепций. Сама Вендан Ли придерживается классического понимания выдвижения по П. Хопперу и С. Томпсон. Изучая средства выдвижения в китайском языке, она фокусируется на семантических и синтаксических характеристиках клауз, обозначающих события и состояния. Наиболее выделенными в ее материале оказываются предложения с порядком слов SV(O) (субъект+глагол+(объект)), включающие предикат с перфективным значением.

Последовательно прослеживая развитие и изменение научных концепций, связанных с понятиями первого плана и фона, автор монографии

связывает современный этап изучения выдвигания с временем создания классических трудов в этой области, подтверждая, что идеи, высказанные несколько десятилетий назад, не утратили значимости и могут быть плодотворно использованы наряду с новыми предложениями в рамках этой научной традиции.

Заключение

За несколько десятилетий существования теории первого плана и фона представление о семантико-грамматических критериях выдвигания одних фрагментов текста по отношению к другим неоднократно дорабатывалось, и параллельно с этим расширялся материал исследований: от «простых» нарративов к произведениям, экспериментирующим с повествовательной нормой, от средневековых эпосов к текстам с развернутой несобственно-прямой речью, «потокосознания», а также к новостным сообщениям, протоколам судебных заседаний, политическим выступлениям. В сферу анализа постепенно вошли тексты на болгарском, русском, испанском, французском, японском, арабском, румынском, голландском, китайском языках, целый ряд исследователей задействовал сопоставительный ракурс в изучении текстового выдвигания. Дополняя и уточняя критерии противопоставления первого плана и фона, авторы в большей степени проявляют внимание либо к семантическим основаниям этого различия, либо к лексико-грамматическим средствам его реализации, либо к диктумной, либо к модусной составляющей высказывания. Ученые, связывающие выдвигание клауз в нарративе с семантическими и грамматическими свойствами предикатов и актантов, а также с принципами синтаксической иерархизации самих клауз, ведут диалог с исследователями, причисляющими к первому плану повествования фрагменты с внутренней фокализацией, выделяющими средства проявления и перемещения дейктического центра нарратива. Традиционные критерии временной последовательности и транзитивности первоплановых клауз конкурируют с критериями «важности для человека» и «неожиданности», сообщающими ситуациям событийность. Новые идеи рождаются в результате взаимодействия теории первого плана и фона с другими научными концепциями в сфере нарратологии и когнитивной грамматики: именно так сформировались современные исследования в сфере перспективизации и «сдвигов дейктического центра» повествования. Изучение различных аспектов текстового выдвигания на материале оригинальных и переводных произведений разных жанров, с одной стороны, позволяет апробировать идеи ученых в контексте сопоставления языковых систем, а с другой, дает возможность оценить средства выделения и

затушевывания информации в прагматическом ключе — на фоне неосознанных или намеренных переводческих изменений. Количество зарубежных научных работ по теории первого плана и фона, привлекающих данные русских повествовательных текстов, по-прежнему невелико, многие оригинальные идеи, выдвинутые в рамках данной научной традиции, не получили пока проверки на материале русскоязычных нарративов разных жанров и эпох, но, учитывая, что интерес к явлению текстового выдвижения не ослабевает, мы можем ожидать появления новых работ в этой сфере.

Библиография

Белашапкова 1971

Белашапкова В. А., «Анафорические элементы в составе сложных предложений», in: *Памяти академика В. В. Виноградова: Сборник статей*, Костомаров В. Г., ред., Москва, 1971, 34–43.

Булыгина 1982

Булыгина Т. В., «Семантическая классификация предикатов как частный случай лингвистических классификаций», in: *Семантические типы предикатов*, Москва, 1982, 7–85.

Ирисханова 2014

Ирисханова О. К., *Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования*, Москва, 2014.

Падучева 1996

Падучева Е. В., *Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*, Москва, 1996.

Пропп 1928

Пропп В. Я., *Морфология сказки*, Ленинград, 1928.

Тестелец 2001

Тестелец Я. Г., *Введение в общий синтаксис*, Москва, 2001.

Успенский 1995

Успенский Б. А., *Поэтика композиции*, Москва, 1995.

Asher, Vieu 2005

Asher N., Vieu L., “Subordinating and Coordinating Discourse Relations”, in: *Lingua*, 115, 2005, 591–610.

Chiarcos et al. 2011

Chiarcos C., Berry C., Grabski M., “Introduction: Saliency in Linguistics and beyond”, in: *Saliency: Multidisciplinary Perspectives on its Function in Discourse. Series: Trends in Linguistics: Studies and Monographs*, Chiarcos C., Berry C., Grabski M., eds., Berlin, 2011, 1–28.

Chvany 1985a

Chvany C. V., “Backgrounded Perfectives and Plot Line Imperfectives: Toward a Theory of Grounding in Text”, in: *The Scope of Slavic Aspect*, Flier M. S., Timberlake A., eds., Columbus, Ohio, 1985, 247–273.

——— 1985b

Chvany C. V., “Foregrounding, ‘Transitivity’, Saliency (in Sequential and Non-sequential Prose)”, in: *Essays in Poetics*, 10 (2), 1985, 1–27.

- 1997
Chvany C. V., *Selected Essays of Catherine V. Chvany*, Yokoyama O. T., Klenin E., eds., Columbus, 1997, 286–299.
- Clark 1973
Clark R., “Transitivity and Case in Eastern Oceanic Languages”, in: *Oceanic Linguistics*, 12, 1973, 559–606.
- Couper-Kuhlen 1989
Couper-Kuhlen E., “Foregrounding and Temporal Relations in Narrative Discourse”, in: *Essays on Tensing in English, Vol. 4. Time. Text and Modality*, Schopf A., ed., 1989, Tübingen, 7–29.
- Croft, Cruse 2004
Croft W., Cruse A., *Cognitive Linguistics*, Cambridge, 2004.
- Declerck 1991
Declerck R., *Tense in English – Its Structure and Use in Discourse*, London, 1991.
- Depraetere 1996
Depraetere I., “Foregrounding in English relative clauses”, in: *Linguistics*, 34, 1996, 699–731.
- Dry 1983
Dry H., “The Movement of Narrative Time”, in: *Journal of Literary Semantics*, 12, 1983, 9–53.
- Duchan et al. 1995
Duchan J. F., Bruder G. A., Hewitt L. E., eds., *Deixis in Narrative: a Cognitive Science Perspective*, Hillsdale, New Jersey, 1995.
- Ehrlich 1987
Ehrlich S., “Aspect, Foregrounding and Point of View”, in: *Text*, 7, 1987, 363–376.
- Fillmore 1968
Fillmore Ch., “The Case for Case”, in: *Universals in Linguistic Theory*, Bach E., Harms R., eds., New York, 1968, 1–89.
- 1977
Fillmore Ch., “The Case for Case Reopened”, in: *Syntax and semantics. Grammatical relations*, Cole P., Sadock J. M., eds., 8, 1977, 59–81.
- Fleischman 1990
Fleischman S., *Tense and Narrativity. From Medieval Performance to Modern Fiction*, Austin, 1990.
- Goethals 2008
Goethals P., “Between semiotic linguistics and narratology: Objective grounding and similarity in essayistic translation”, in: *Linguistica Antverpiensia*, 7, 2008, 93–110.
- Goethals, De Wilde 2009
Goethals P., De Wilde J., “Deictic Center Shifts in Literary Translation: the Spanish Translation of Nooteboom’s *Het Volgende Verhaal*”, in: *Meta*, 54 (4), 2009, 770–794.
- Grenoble 1998
Grenoble L. A., *Deixis and Information Packaging in Russian Discourse*, Amsterdam, Philadelphia, 1998.
- Grosz et al. 2003
Grosz B., Joshi A., Weinstein S., “Centering: A Framework for Modeling the Local Coherence of Discourse”, in: *Computational Linguistics*, 21 (2), 2003, 203–225.
- Hatim, Mason 1997
Hatim B., Mason J., *The Translator as Communicator*, London, 1997
- 2005
Hatim B., Mason J., *The Translator as Communicator*, London, New York, 2005.

- Hinterhölzl, Petrova 2011
 Hinterhölzl R., Petrova S., "Rhetorical Relations and Verb Placement in Old High German", in: *Salience: Multidisciplinary Perspectives on its Function in Discourse. Series: Trends in Linguistics: Studies and Monographs*, Chiarcos C., Berry C., Grabski M., eds., Berlin, 2011, 173–202.
- Hopper, Thompson 1980
 Hopper P., Thompson S. A., "Transitivity in Grammar and Discourse", in: *Language*, 56 (2), 1980, 251–299.
- Kalmár 1982
 Kalmár I., "Transitivity in a Czech Folk Tale", in: *Studies in Transitivity (Syntax and Semantics)*, Hopper P., Thompson S., eds., 15, 1982, 241–260.
- Keenan, Comrie 1977
 Keenan E., Comrie B., "Noun phrase accessibility and universal grammar", in: *Linguistic Inquiry*, 8 (1), 1977, 63–99.
- Khalil 2000
 Khalil E. N., *Grounding in English and Arabic News Discourse*, Amsterdam, Philadelphia, 2000.
- 2005
 Khalil E. N., "Grounding between Figure-Ground and Foregrounding-Backgrounding", in: *Annual Review of Cognitive Linguistics*, 3 (1), 2005, 1–21.
- Koyama 2004
 Koyama N., "Grounding and Deixis: a Comprehensive Approach to the Grounding Phenomenon in Japanese Narrative", in: *Taiwan Journal of Linguistics*, 2 (1), 2004, 1–44.
- Labov, Waletzky 1967
 Labov W., Waletzky J., "Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience", in: *Essays on the Verbal and Visual Arts*, Helm J., ed., Seattle, 1967, 12–44.
- 1997
 Labov W., Waletzky J., "Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience", in: *Journal of Narrative & Life History*, 7 (1–4), 1997, 3–38.
- Langacker 1987
 Langacker R., *Foundations of Cognitive Grammar*, 1, Stanford, 1987.
- 2007
 Langacker R., "Cognitive Grammar", in: *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*, Geeraerts D., Cuyckens H., eds., Oxford, 2007, 421–462.
- Mann, Thompson 1988
 Mann W. C., Thompson S. A., "Rhetorical Structure Theory: Toward a Functional Theory of Text Organization", in: *Text*, 8, 1988, 243–281.
- Martín-Asensio 2000
 Martín-Asensio G., "Transitivity-Based Foregrounding in the Acts of the Apostles. A Functional-Grammatical Approach to the Lukan Perspective", in: *Journal for the Study of the New Testament Supplement Series. Studies in New Testament Greek*, 8, Sheffield, 2000.
- Mason 2004
 Mason I., "Text Parameters in Translation: Transitivity and Institutional Cultures", in: *The Translation Studies Reader*, 2nd ed., Venuti L., ed., London, New York, 2004.
- Mason, Şerban 2004
 Mason I., Şerban A., "Deixis as an Interactive Feature in Literary Translations from Romanian into English", in: *Target*, 15 (2), 2004, 269–294.
- Munday 2007
 Munday J., *Style and Ideology in Translation. Latin American Writing in English*, London, 2007.

——— 2012

Munday J., *Evaluation in Translation: Critical Points of Translator Decision-Making*, Abingdon-New York, 2012.

Ramm, Fabricius-Hansen 2005

Ramm W., Fabricius-Hansen C., "Coordination and Discourse-structural Salience from a Cross-linguistic Perspective", in: *Proceedings of the 6th International Workshop on Multidisciplinary Approaches to Discourse "Salience in Discourse"*, Stede M., Chiarcos C., Grabski M., Lagerwerf L., eds., Chorin, 2005, 119–128.

Rappaport 1985

Rappaport G. C., "Aspect and Modality in Contexts of Negation", in: *The Scope of Slavic Aspect*, Flier M. S., Timberlake A., eds., Columbus, Ohio, 1985, 194–223.

Reinhart 1984

Reinhart T., "Principles of Gestalt Perception in the Temporal Organization of Narrative Text", in: *Linguistics*, 22, 1984, 779–809.

Talmy 1975

Talmy L., "Figure and Ground in Complex Sentences", in: *Proceedings of the First Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*, Cogen C., ed., Berkeley, 1975, 419–430.

——— 2007

Talmy L., "Attention Phenomena", in: *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*, Geeraerts D., Cuyckens H., eds., Oxford, 2007, 264–293.

Taylor 2002

Taylor J. R., *Cognitive Grammar*, Oxford, 2002.

Urzha 2016

Urzha A. V., "The Foregrounding Function of Praesens Historicum in Russian Translated Adventure Narratives (20th century)", in: *Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies*, 5 (1), 2016, 226–248.

Verhagen 2007

Verhagen A., "Construal and Perceptivization", in: *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*, Geeraerts D., Cuyckens H., eds., Oxford, 2007, 48–81.

Wårvik 2004

Wårvik B., "What is foregrounded in narratives? Hypotheses for the cognitive basis of foregrounding", in: *Approaches to Cognition through Text and Discourse*, Virtanen T., ed., Berlin, 2004, 99–122.

Wendan Li 2018

Wendan Li, *Grounding in Chinese Written Narrative Discourse*, Leiden, Boston, 2018.

References

Asher N., Vieu L., "Subordinating and Coordinating Discourse Relations", in: *Lingua*, 115, 2005, 591–610.

Beloshapkova V. A., "Anaforicheskie elementy v sostave slozhnykh predlozhenii", in: *Pamiaty akademika V. V. Vinogradova: Sbornik statei*, Kostomarov V. G., ed., Moscow, 1971, 34–43.

Bulygina T. V., "Semanticheskaia klassifikatsiia predikatov kak chastnyi sluchai lingvisticheskikh klassifikatsii", in: *Semanticheskie tipy predikatov*, Moscow, 7–58.

Chiarcos C., Berry C., Grabski M., "Introduction: Salience in Linguistics and beyond", in: *Salience: Multidisciplinary Perspectives on its Function in Discourse. Series: Trends in Linguistics: Studies and Monographs*, Chiarcos C., Berry C., Grabski M., eds., Berlin, 2011, 1–28.

Chvany C. V., "Backgrounded Perfectives and Plot Line Imperfectives: Toward a Theory of Grounding in Text", in: *The Scope of Slavic Aspect*, Flier M. S., Timberlake A., eds., Columbus, Ohio, 1985, 247–273.

- Chvany C. V., "Foregrounding, 'Transitivity', Saliency (in Sequential and Non-sequential Prose)", in: *Essays in Poetics*, 10 (2), 1985, 1–27.
- Chvany C. V., *Selected Essays of Catherine V. Chvany*, Yokoyama O. T., Klenin E., eds., Columbus, 1997, 286–299.
- Clark R., "Transitivity and Case in Eastern Oceanic Languages", in: *Oceanic Linguistics*, 12, 1973, 559–606.
- Couper-Kuhlen E., "Foregrounding and Temporal Relations in Narrative Discourse", in: *Essays on Tensing in English. Vol. 4, Time, Text and Modality*, Schopf A., ed., 1989, Tübingen, 7–29.
- Croft W., Cruse A., *Cognitive Linguistics*, Cambridge, 2004.
- Declerck R., *Tense in English – Its Structure and Use in Discourse*, London, 1991.
- Depraetere I., "Foregrounding in English relative clauses", in: *Linguistics*, 34, 1996, 699–731.
- Dry H., "The Movement of Narrative Time", in: *Journal of Literary Semantics*, 12, 1983, 9–53.
- Duchan J. F., Bruder G. A., Hewitt L. E., eds., *Deixis in Narrative: a Cognitive Science Perspective*, Hillsdale, New Jersey, 1995.
- Ehrlich S., "Aspect, Foregrounding and Point of View", in: *Text*, 7, 1987, 363–376.
- Fillmore Ch., "The Case for Case", in: *Universals in Linguistic Theory*, Bach E., Harms R., eds., New York, 1968, 1–89.
- Fillmore Ch., "The Case for Case Reopened", in: *Syntax and semantics. Grammatical relations*, Cole P., Sadock J. M., eds., 8, 1977, 59–81.
- Fleischman S., *Tense and Narrativity. From Medieval Performance to Modern Fiction*, Austin, 1990.
- Goethals P., "Between semiotic linguistics and narratology: Objective grounding and similarity in essayistic translation", in: *Linguistica Antverpiensia*, 7, 2008, 93–110.
- Goethals P., De Wilde J., "Deictic Center Shifts in Literary Translation: the Spanish Translation of Nooteboom's *Het Volgende Verhaal*", in: *Meta*, 54 (4), 2009, 770–794.
- Grenoble L. A., *Deixis and Information Packaging in Russian Discourse*, Amsterdam, Philadelphia, 1998.
- Grosz B., Joshi A., Weinstein S., "Centering: A Framework for Modeling the Local Coherence of Discourse", in: *Computational Linguistics*, 21 (2), 2003, 203–225.
- Hatim B., Mason J., *The Translator as Communicator*, London, 1997.
- Hatim B., Mason J., *The Translator as Communicator*, London, New York, 2005.
- Hinterhölzl R., Petrova S., "Rhetorical Relations and Verb Placement in Old High German", in: *Saliency: Multidisciplinary Perspectives on its Function in Discourse. Series: Trends in Linguistics: Studies and Monographs*, Chiarcos C., Berry C., Grabski M., eds., Berlin, 2011, 173–202.
- Hopper P., Thompson S. A., "Transitivity in Grammar and Discourse", in: *Language*, 56 (2), 1980, 251–299.
- Iriskhanova O. K., *Igry fokusa v iazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniia*, Moscow, 2014.
- Kalmár I., "Transitivity in a Czech Folk Tale", in: *Studies in Transitivity (Syntax and Semantics)*, Hopper P., Thompson S., eds., 15, 1982, 241–260.
- Keenan E., Comrie B., "Noun phrase accessibility and universal grammar", in: *Linguistic Inquiry*, 8 (1), 1977, 63–99.
- Khalil E. N., *Grounding in English and Arabic News Discourse*, Amsterdam, Philadelphia, 2000.
- Khalil E. N., "Grounding between Figure-Ground and Foregrounding-Backgrounding", in: *Annual Review of Cognitive Linguistics*, 3 (1), 2005, 1–21.
- Koyama N., "Grounding and Deixis: a Comprehensive Approach to the Grounding Phenomenon in Japanese Narrative", in: *Taiwan Journal of Linguistics*, 2 (1), 2004, 1–44.
- Labov W., Waletzky J., "Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience", in: *Essays on the Verbal and Visual Arts*, Helm J., ed., Seattle, 1967, 12–44.
- Labov W., Waletzky J., "Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience", in: *Journal of Narrative & Life History*, 7 (1–4), 1997, 3–38.
- Langacker R., *Foundations of Cognitive Grammar*, 1, Stanford, 1987.
- Langacker R., "Cognitive Grammar", in: *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*, Geeraerts D., Cuyckens H., eds., Oxford, 2007, 421–462.
- Mann W. C., Thompson S. A., "Rhetorical Structure Theory: Toward a Functional Theory of Text Organization", in: *Text*, 8, 1988, 243–281.
- Martín-Asensio G., "Transitivity-Based Foregrounding in the Acts of the Apostles. A Functional-Grammatical Approach to the Lukan Perspective", in: *Journal for the Study of the New Testament Supplement Series. Studies in New Testament Greek*, 8, Sheffield, 2000.
- Mason I., "Text Parameters in Translation: Transitivity and Institutional Cultures", in: *The Translation Studies Reader*, 2nd ed., Venuti L., ed., London, New York, 2004.
- Mason I., Şerban A., "Deixis as an Interactive Feature in Literary Translations from Romanian into English", in: *Target*, 15 (2), 2004, 269–294.
- Munday J., *Style and Ideology in Translation. Latin American Writing in English*, London, 2007.
- Munday J., *Evaluation in Translation: Critical Points of Translator Decision-Making*, Abingdon-New York, 2012.
- Paducheva E. V., *Semanticheskie issledovaniia. Semantika vremeni i vida v russkom iazyke. Semantika narrativa*, Moscow, 1996.